

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
 НАШ САЙТ: denlit.ru
 ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
 denlitera@yandex.ru

О некоторых аспектах поэзии Николая Зиновьева

Живёт в Краснодарском крае поэт Николай Александрович Зиновьев. К сожалению, это имя известно лишь в литературных кругах и среди незначительной части читающей публики.

Однако, если бы сегодня в контексте выражения “литературная элита” звучали имена наших действительно лучших писателей и поэтов, то в первых рядах называлось бы имя Николая Зиновьева.

Что бы ни говорили и ни писали не-други Николая Зиновьева, он остаётся интереснейшим поэтом и заслуживает самого пристального внимания читателей и литературоведов. Однако, как и у каждого видного поэта, в его стихах можно обнаружить слабую сторону. И мне, как поклоннику его таланта, это особенно бросается в глаза. И становится обидно за талантливую поэзию.

Пессимизм захлестнул его лирику и берёт в свои цепкие руки души читателей. И вот уже немало тех, кто восхищается не только поэтическим словом Зиновьева, но и его громко звучащими пессимистическими нотками. Причём, это относится не только к читателям, но и к некоторым литературным критикам.

К примеру, Александр Егоров в своей статье “...В мазутном тупике” анализирует следующее стихотворение Зиновьева:

*В тупике, где заправлял
 Маневровый тепловоз,
 Непонятно как, но вырос
 Куст душистых, чайных роз.
 И дрожжиной дрожью частой,
 Он в мазутном тупике
 Был нелеп, как слово “счастье”
 В нашем русском языке.*

Полностью согласен с литературным критиком, что художественно-изобразительные средства в стихотворении заслуживают самой высокой оценки. Но категорически не согласен с главной мыслью произведения: русский человек не может быть счастливым. А Егоров с поэтом соглашается и пишет: “Да, в русском языке есть такое слово, но оно неприменимо к русской жизни,

потому что...”. Так в тексте статьи и стоит многоточие. Или критик не решился доказать правоту своего и Николая Зиновьева тезиса, или его, всё-таки, что-то смущало, и он не смог подобрать весомые аргументы, чтобы убедить читателей. А может, он посчитал, что и многоточием можно расставить

стихи пронзительные. Лезут в душу, рвут её и остаются там надолго. Вот уж действительно: и на Родине можно испытывать тоску по Отечеству.

Большинство лучших стихотворений Николая Зиновьева, к великому сожалению, порождают у читателей отчаяние. А отчаяние – это капитуляция ду-

ше надо бы радоваться, что в России наконец-то появился поэт с таким пронзительным голосом. Не зря Валентин Распутин сказал: “В стихах Николая Зиновьева говорит сама Россия...”. Однако упреки в том, что в стихах поэта пессимизм душил читателя, справедливы. Просто Шемшученко

*Над Куликовым меч поёт.
 Над Бородинским ядра свищут.
 Мы – русские! Какой полёт!
 Нас понапрасну
 пули ищут.*

*Из ключев
 тельников,
 рубах*

Валерий
РУМЯНЦЕВ

*Пусть мир сошьёт себе обнову.
 Мы – русские! Какой размах!
 Лютая крепь меча и слова.
 Солдатских кухонь пьедестал.
 Навары заводских столовок.
 Мы – русские! Сибирь... Урал...
 И далее без остановок.*

*Мы на подножках у эпох
 Под грохот революций висли.
 Мы – русские! И видит Бог,
 Что мы, как он, без задней мысли.
 И нам без вести не пропасть,
 В плечах могильный холм нам узкий,
 Но и у нас смогли украсть
 Одно столетье в слове “русский”.
 И сбиты времена змалъ
 С зубов, что губы закусили.
 И всё-таки какая даль
 В славянском имени Россия.*

Леонид Корнилов тоже живёт в России и переживает то, что происходит в стране, не менее болезненно, чем Николай Зиновьев. Он тоже возмущён многим. Он негодуёт, что сотня олигархов имеет состояние, равное двадцати процентам ВВП России, а у 1500 человек сосредоточено более пятидесяти процентов богатств РФ.

Написал “человек”. Да не люди они, а шпана, – ибо основа их богатства не труд, а банковские спекуляции, приватизация, рейдерские захваты, офшоры и т.п.

Не люди! Настоящий человек не сможет спокойно спать, когда в стране вокруг него двадцать миллионов живёт за чертой бедности и процветает откровенная нищета.

Больно смотреть на всё это. А если больно смотреть, значит, хорошо видно. Многие так и не уяснили, что бедность – дамклов меч, нависший над

богатыми. Что нас ждёт завтра, поджидает уже сегодня. А уровень коррупции? Она буйно растёт на почве, удобренной властью, и нагло пожирает Россию. Чего стоит одна история с Васильевой, похитившей миллиарды рублей. Наше государство превратилось в казино, где все законы крапленые. В нашем правительстве, видимо, действительно верят, что существует неисчерпаемый запас терпения народа.

И на этом фоне Леонид Корнилов, обращаясь в славное прошлое России, находит слова, чтобы поднять дух простого труженника, поддержать его в трудную годину. Поэтому не случайно именно Леонид Корнилов написал лучшее стихотворение о событиях на Украине.

Последние подборки стихов Николая Зиновьева, появившиеся в печати, уже не вызывают такого восторга как прежде.

*Мне нельзя доверяться уму,
 Как бы ни было это обидно,
 Но я, брат, до сих пор не пойму:
 То ли страшно мне жить,
 то ли стыдно.*

*Превратился в паденье полёт.
 И куда-то исчезла удача.
 Пусть душа, если может, поёт
 Накануне всемирного плача.*

Сам поэт признаётся в том, что планка его лирики падает. Что делать – это жизнь. Даже вулкан знает, что такое упадок сил. Иногда, чтобы расправить крылья, нужно потратить всю жизнь. Мы надеемся, что это временное явление. Сегодня Николаю Зиновьеву пятьдесят шесть лет. Орденот от государства он не получил. Наверное потому, что орден нужен дающим. Но для настоящего поэта лучшая награда – это отклик в сердцах читателей. А в его наличии сомневаться не приходится.

За плечами поэта хорошая жизненная школа, многочисленные курсы совершенствования своего мастерства. И главное – талант с налётом пессимизма гораздо лучше, чем пессимизм с налётом таланта.

Ещё будет у поэта Николая Зиновьева и высокий полёт, и удача! Потому что его поэзия – родник. А у любого родника чистые помыслы.

(начало на стр. 1)

С 1924 года Валентин Дмитриевич Иванов работал инспектором-контролёром в различных отраслях народного хозяйства, ездил с ре-визиями по всей стране – поэтому ему подно-готную советской “теневой экономики” знал досконально. Вот и обжёгся. Парадоксально, что роман “Жёлтый металл” был посвящён работникам советской милиции и написан в сотрудничестве с ними. Критику Валентина Иванова можно сравнить разве что с подобной разностной критикой романа Валентина Пикюля “Нечистая сила”.

Валентин Дмитриевич позже размышлял о причинах этого запрета: ““Жёлтый металл” всецело бранила наша критика. Сам я считаю, что бранили не за то, за что можно было бы. Дело в том, что в “Металле” есть излишняя жёсткость и жестокость: следствие того, что он слишком документален, слишком точен, слишком близок к фактам. Мне следовало бы глубже заглянуть в души людей, я же в отношении некоторых “героев” шёл рядом со следовате-лем и прокурором. Вот видите, какой парадокс получается: чрезмерная точность оказывается неточностью”.

Уже в наши дни историк литературы Николай Митрохин высказался по поводу этого романа: “Произведение В.Иванова было чудом, про-равшимся в советскую печать голосом другой России, сохранившейся в довоенный и мед-ленно угасающей в послевоенный период”.

России кулаческой и частнособственнической, не имевшей с конца 1920-х годов защит-ников на “литературном фронте”, России “хо-зяев”, ненавидевшей коммунистов ... и искренне желавшей работать на себя; России пригородов, кормившей города выращенными на приусадебном подворье бычками; России, много лет уничтожавшей Сталиным и доби-той хрущёвским указом от 20 августа 1958 го-да; России артелей по выпуску ширпотреба, дававших возможность выживать и дискри-минуемым евреям и бежавшим в города от раскулачивания работающим крестьянам, но закрытых постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 20 июня 1960 года “О промышленной кооперации”.

Эта Россия патриархальной трудовой этики – кулаческой, старообрядческой, еврейской, татарской, – хорошо помнящая и дореволюци-онные времена и НЭП, окончательно вымерла, потеряв способность к воспроизводству, при-мерно через десять лет после выхода и запре-щения романа Иванова – к середине 1960-х.

Книга В.Иванова является аргументом в пользу того, что в середине 1950-х годов ещё сохранялась возможность “декоммунизации” страны и оживления экономики за счёт частно-го предпринимательства, заблокированная шагами Хрущёва и его окружения по “возвра-щению к ленинским нормам” и строительству коммунизма к 1980 году...”.

После публикации Валентином Ивановым исторической трилогии “Повести древних лет”, “Русь изначальная” и “Русь Великая” он стано-вится ведущим историческим писателем Рос-сии, отмечается его независимость и самосто-ятельность в подходе к сложнейшим исто-рическим темам. Его книги охотно, без всякой рекламы, раскупают.

Интересно, что же тянет всех писателей Ива-новых к истории России, к освоению её про-странств, к Сибири и Дальнему Востоку?

Вот и четвертый Иванов – Анатолий Степа-нович, один из самых известных и популярных советских писателей, Герой Социалистическо-го Труда, лауреат государственных премий, многолетний главный редактор журнала “Мо-лодая гвардия” – тоже посвятил всё своё твор-чество истории нашей страны в XX веке, рево-люции, гражданской войне, Великой Отече-ственной войне, и опять в центре внимания Си-бири. Впрочем, он и родился 5 мая 1928 года в селе Шемонаиха, Казахстан. После школы бу-дущий писатель окончил факультет журнали-стики Казахского государственного универси-тета имени С.М. Кирова.

Работал журналистом в газете “Прииртыш-ская правда”, а позже заместителем главного редактора новосибирского журнала “Сибир-ские огни”. С 1954 года стал публиковать про-зу. В Москву переехал в конце 60-х.

Всем известны его книги “Вечный зов”, “Тени исчезают в полдень”, особенно после их экра-низации, эти сериалы до сих пор показывают по нашему телевидению. Знают и его книги “Повитель”, “Жизнь на грешной земле”, “Враж-да”, “Печаль полей” и “Ермак”.

Я был хорошо знаком с Анатолием Степа-новичем, он был первым читателем в Коктебеле,

где мы вместе отдыхали, моих нашившихся “Очерков литературных нравов”, я часто печат-вался в его “Молодой гвардии”. Не один раз писал о его замечательной эпической прозе. В 1954 году в журнале “Крестьянка” был опубли-кован его первый рассказ “Дождь”. Затем в журнале “Сибирские огни” напечатан рассказ “Алкины песни”, в 1956 году под таким же на-званием вышел первый сборник его рассказов. В 1958 году был опубликован его первый ро-ман “Повитель”, который принёс автору уже всесоюзную известность.

Династия Ивановых

Самое известное его произведение – это, не-сомненно, роман “Вечный зов”, посвящённый жизни нашей страны первой половины XX ве-ка. ““Вечный зов” – название аллегорическое, – считает Анатолий Иванов. – Один из моих ге-роев говорит, что человек рано или поздно на-чинает задумываться над сутью и смыслом бытия, жизнью окружающих его людей, обще-ства и над своими собственными делами и по-ступками. Это его заставляет делать властный зов жизни, вечное стремление найти среди людей свое человеческое место. Мне хотелось показать, что человек становится граждани-

ном, а потом и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость”.

Алексей Иванов родился 23 ноября 1969 го-да в городе Горьком в семье судостроителей.

ном, а потом и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость”.

Масштабностью изображения его романы схожи с романами другого исторического пи-сателя, нашего современника Алексея Иванова. Я как-то сказал Алексею о их незримой связи, о преемственности, Алексей Иванов отрицать не стал, и перечеркивать творчество советско-го классика не пожелал.

Вот, к примеру, отрывок из “Вечного зова”:

– “Немец снова, значит, на Киев прёт? – не-ожиданно спросил Назаров, всё глядя в окно.

– На Киев, – коротко откликнулся Кружилин, думая еще о своём.

– Да-а... Никогда я не был в этом Киеве, – за-говорил почему-то Назаров. – Вот по истории учат детижек – в Киеве Русь зачиналась, а?

– Да... там, – сказал Кружилин, не понимая, зачем Назаров заговорил об этом.

– Так, может, немцы и вдолбили себе – там зачиналась, там и кончилась? Потому так и лезут в какой раз на этот город?”

Такая мысль самому Кружилину никогда в го-лову не приходила. И он поразился тому, что сказал Назаров: ведь вполне могла эта бредо-вая идея взломом сидеть в башке какого-ни-будь фашистского идеолога или теоретика! Вполне. Они, немцы, любят всякие символы. И он сказал:

– Может быть...

– Только Русь-то сейчас – она вон какая! – продолжал Назаров. – И тут у нас Русь, в со-седнем с нами Казахстане, в Грузии, в Арме-нии. Во всех республиках в смысле, да?

– В этом смысле – да.

– В Громотуху вон Громотушка впадает, дру-гие многие речки и ручейки вливаются. Потому она и не мелеет. И в тебе она, и во мне – Русь. В украинцах, татарах, во всех... разве же всё это может кончиться?..”.

Как по-современному звучит эта сцена сей-час. Впрочем, такие пафосные строки о вели-чии России и её истории можно найти у всех Ивановых...

Писатель, который вошёл в историю литера-туры как один из советских гениев, умер 31 мая 1999 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Вот мы подошли уже и к нашему времени, к русской литературе XXI века, и опять истори-ческую эпическую прозу определяет уже пятый Иванов, Алексей Викторович. И опять из рус-ской провинции, далеко от Москвы и Петербу-рга. Алексей Иванов и сам считает: “Здоровые силы надо искать в провинциальных городах-миллионниках вроде Екатеринбурга, Новоси-бирска, Казани, Нижнего Новгорода, Самары. Это те, кто не уехал в Москву или на Запад, когда позволили средства, а остался дома и развивает свой город”. И опять же, как и все

во. Писатель смело соединяет классические формы исторической прозы, масштабную мо-заку исторических деталей и персонажей с моментами мистики и фэнтези. И делает это превосходно. В общем, классик среди нас. Можно отстреливать.

Недавно вышла первая часть его нового ро-мана “Тобол”, где всё действие происходит поч-ти исключительно в Сибири, а Петербург и Москва остаются на обочине, явная центро-стремительная проза. Интересно, что сам Алек-сей Иванов его называет чуть ли не незакон-ным романом. Мол: “...продюсерская компания предложила мне написать сценарий сериала про тобольского картографа, летописца и зод-чего Семена Ремезова. Его фигура мне давно известна и интересна. И ещё мне интересно поработать в формате драматического сериа-ла – вроде тех, что производят “НВО” или “АМС”, а этот формат порождает роман нового типа, современный роман. Ради нового фор-мата я и принял предложение, рассчитывая сделать сразу сценарий для продюсеров и ро-ман для себя. Мне по-прежнему близок Урал, но другие регионы тоже увлекают... Я вообще работаю по проектам, которые можно нало-жить на определённую территорию. “Ебург” и “Ненастье” – Екатеринбург. “Хребет России” и “Горнозаводская цивилизация” – Урал. “Билы” – территория пугачёвщины, включая Оренбу-ржье, Башкортостан, Татарстан и Нижнее По-волжье. Конкретная территория всегда задаёт произведению некие параметры, определя-ющие язык, темп, образность и культурный бэк-граунд...”.

Но, к счастью, его “проекты” становятся пол-ноценной художественной прозой. Он даже от-рицает собственное “зарождение философии Сибири”, объясняя всё какими-то заказными концепциями. “Нет, таких амбиций у меня не было. В данном случае для меня важнее фор-мат драмсериала, а не региональная иденти-чность. Просто на примере Урала я для себя разобрался, как устроены региональные куль-турные комплексы, и уже сразу определяю эту структуру в новом материале. Так, наверно, врач знакомится с человеком, с которым соби-рается, например, выпить, и сразу понимает: “Близорукость, гипертония, остеохондроз”. По-знакомившись с историей Сибири петровской эпохи, я сразу увидел её “нервы”, понял, что является носителем духа истории: казаккра-ды, шведы, язычники, миссионеры, новокре-щены, китайцы, раскольники и джунгары. Си-бирь того времени состоит из этих “деталей”. Выбор героев обусловлен специфичкой терри-торией, а герои живут так, как положено по идентичности...”.

Но в этом разборе комплексов он добивает-ся классической художественной законченнос-ти, становится живым классиком наших дней. Я бы назвал его в тройке лидеров новой со-временной русской литературы: Алексей Ива-нов, Захар Прилепин, Дмитрий Новиков... И все – провинциалы: Пермь, Нижний Новгород, Петрозаводск...

Герои Иванова “Тобола” не положитель-ные и не отрицательные, они заложены самой системой жизни петровской эпохи. Тот же гу-бернатор Сибири Гагарин, он – первопроходец и первооткрыватель, но не гнушается и бытового казнокрадства. Как считает писатель: “Губер-натор Гагарин, конечно, вор, но он пассиона-рий. Его vorовство от человеческой дерзости, а не от банальной алчности. Свой высокий пост он использует не для того, чтобы запу-стить руку в казну, а для того, чтобы устроить свой бизнес, разумеется, незаконный. Казна для него – просто банк, выдающий беспро-центные ссуды. Гагарин объясняет царю Пет-ру, обвиняющему его в vorовстве: “Из того ко-лодца черпал, который сам выкопал”. Он подобен “цеховикам” советской эпохи, кото-рые, ясен пень, преступники, но не совсем что-бы воры. “Воеводский” и “губернаторский” пе-риоды истории Сибири и России очень различны. “Воеводские” обычаи – это “лихоим-ство”, взятничество, когда каждый чиновник берёт себе, сколько сможет. “Губернаторские” обычаи – это уже иерархически организо-ванная система, то есть коррупция, когда каждый чиновник отдаёт начальнику определённую мзду, чтобы иметь возможность брать себе, сколько останется. Коррупция, вернее, степень её распространённости, является производ-ным от полицейского государства. Пётр и пост-роил полицейское государство, заменив ба-нальное лихоимство сложно организованной коррупцией. Губернатор Гагарин, “птенец гнез-да Петрова”, активно помогал строить это го-сударство, потому что был коррупционером. Но он понимал, что чем богаче будут жить лю-

ди в новой системе, чем активнее будет тор-говля, тем больше он получит выгоды. В этом понимании заключается прогрессивная роль Гагарина...”.

Как это переключается с нашим временем! В романе много главных героев, и за каждым свой пласт истории и философии: “И в “Тобо-ле” у меня герои из разных парадигм, жанров, потому их и много. Язычники и миссионеры – из мистики; китайцы и губернатор – из полити-ческого детектива; офицеры и джунгары – из военного жанра, и так далее. А инприордан-ти парадигмой является, скажем так, “альтерна-тивная история” – основная коллизия романа: сговор губернатора с китайцами на “частную”, “несанкционированную” войну против джун-гар...”.

Своими новыми формами подачи текста Алексей Иванов не разрушает, а развивает традицию, получает постмодерн в новом фор-мате, а в итоге даёт нам увлекательнейший историко-приключенческий роман. Интересны и его фэнтезийные проекты, к примеру, два ро-мана “Псоглавцы” и “Комьонити”, где переме-жаются элементы триллера, деревенской про-зы и откровенного фэнтези. Таковой у нас в прозе ещё не было.

В заброшенную богом деревню приезжают в поисках древней фрески три реставраторы. На фреске изображен Псоглавец, святой Христо-фор с головой собаки. На новых иконах его уже давно очеловечили, лишь староверы при-знают иконы с жутким Псоглавцем, и описыва-емая деревня когда-то была раскольничьим ситком. Ну а дальше уже разворачивается ми-стическая история со спецназом, убийствами и демонизмом.

Потому и живёт Алексей Иванов до сих пор в Перми, что не хочет себя осквернять столич-ным московским духом, которого нет в его ге-роях, чтобы не потерять чувство подлинности.

Последним, шестым Ивановым, завершаю-щим нашу династию писателей, назову нынеш-него исполняющего обязанности руководителя Союза писателей России – Николая Иванова. Он несколько иной, чем предыдущие пятеро, уходящие далеко в историю России и в сибир-ско-дальневосточные края. Но прозой своей дополняет изображение эпохи. Куда же исто-рия России без военной прозы?

Родился Николай Фёдорович Иванов в селе Страчено Брянской области в 1956 году. За-кончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году направлен в Афганистан. В 1985 году назначен корреспондентом журнала “Со-ветский воин”, через семь лет стал его глав-ным редактором. Так бы и шла его славная ус-пешная карьера военного журналиста, смелого и умелого. Но в 1993 году он отказался в офи-циальном военном журнале поддерживать ельцинский расстрел Дома Советов, был снят с должности “за низкие моральные качества” и уволен из Вооружённых Сил. Продолжил служ-бу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню был взят в плен боевиками, освобождён через четыре месяца.

Почти четыре месяца провёл в подземных тюрьмах, в земельных ямах, были неоднократ-ные выводы на расстрел. Через два года по-сле освобождения возвращается в Чечню снова, участвует в создании газеты “Чечня сво-бодная”.

Другая сторона его жизни – литературная де-ятельность, военная проза. Писатель, секрета-рь Союза писателей России, автор полутора десятков книг (“Чёрные береты”, “Гроза над Гиндукушем”, “Наружка”, “Маросейка, 12. Срочно...”, “Вход в плен бесплатный”, “Спец-наз”, “Департамент уголовного полиции” и дру-гих). Лауреат литературных премий имени Н.Островского и М.Булгакова. За повесть “Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре” удостоен литературной премии “Ста-линград”. Недавно вручена и Большая литера-турная премия Союза писателей России.

В основном, проза написана на основе со-бственного боевого опыта в Афганистане, Чеч-не, Донбассе. Собственные же впечатления от чеченского плена нашли отражение и в книге “Вход в плен бесплатный”. Что ждёт росси-йских офицеров, попавших в “подземную тю-рьму” конца двадцатого века? Есть ли у них воз-можность выжить? Стоит ли им рассчитывать на помощь товарищей и государства?

На мой взгляд, это новое слово о войне.

Вот так и выглядит шесть прозаиков Ивано-вых, вписавших яркую страницу в историю со-временной русской литературы.

Владимир БОНДАРЕНКО